

*Фокин Павел Евгеньевич, кандидат филологических наук, ФГБУК
«Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля»,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского;
pfokin@mail.ru*

Творчество Александра Зиновьева в оценке литературных критиков русского зарубежья 1970-х годов¹

Александр Зиновьев был личностью неординарной. От природы обладал живым, пытливым умом, легко и быстро осваивал информацию, с детства имел склонность к аналитике и рефлексии. Его привлекали оригинальные идеи, нестандартные решения, смелые теории и гипотезы. В течение всей жизни он был интеллектуальным революционером, парадоксалистом, новатором. Друзья называли его «великий вопрекист», зная его страсть идти наперекор общему мнению, сложившимся представлениям и стереотипам. Свою оригинальность Зиновьев культивировал и любил демонстрировать.

Нетипично складывалась и его биография, в которой есть всё для остросюжетного романа. При этом Зиновьев скорее был пассивен, не искал специально приключений, подчиняясь воле обстоятельств. Лишь в самых критических, крайних ситуациях, когда вопрос стоял о жизни и смерти проявлял решительность. В целом же был наблюдателем, мыслителем, а не деятелем. И тем не менее, всё, что связано с жизнью Зиновьева — беспрецедентно.

Беспрецедентна и его писательская биография. Он пришёл в литературу из философии. Свой первый роман написал в возрасте 54 лет, будучи известным логиком. Писал его как единственный и, возможно, последний — как исповедь и завещание. Его содержание было очевидно неприемлемым для советской власти. Публикация в СССР была невозможна. Но и за рубежом издатель нашёлся не сразу. Смущала и отпугивала не имевшая аналога форма романа. Система образов, композиция, жанровая природа — всё было новым и непривычным. Даже название звучало вызывающе: «Зияющие высоты». А уж место действия — некий город-страна Ибанск — и вовсе было неприлично!

Публикация романа в швейцарском издательстве «L'Age d'Homme» в 1978 году произвела эффект разорвавшейся бомбы. Роман стал вызовом не только советской социально-политической системе, попавшей в нём под язвительный бич сатиры, сплетённой с не менее болезненной аналитикой. Он стал вызовом не только марксистской идеологии, бывшей основанием «реального коммунизма», построенного усилиями и насилием партии большевиков в Советском Союзе, и подвергнутой на страницах романа безжалостному разоблачению и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

деконструкции. Он стал вызовом не только специальным службам, стоявшим на охране политической благонадёжности и пресекавшим всякие попытки инакомыслия. Он стал вызовом, в первую очередь, читателям.

Поражали масштаб и интеллектуальная насыщенность произведения. Представленная в нём панорама коммунальных отношений внутри советского общества не имела прецедентов. Она была всеобъемлющей и тотальной. Предложенный Зиновьевым взгляд на повседневную жизнь советских людей отличался непривычной для русской литературной традиции сосредоточенностью на *типах и принципах взаимодействия* индивидов. Оставляя в стороне почти вековой опыт русской и мировой психологической прозы, Зиновьев посмотрел на окружающую его реальность сквозь призму созданной им логической социологии, в центре внимания которой механизмы, обеспечивающие экзистенциальную основу социума, его устойчивость и развитие. В такой системе координат личность представляет интерес не своей уникальной данностью, а, напротив, как характерная совокупность поведенческих практик и интенций. Социология отменяет психологию, логика — гуманизм. «Зияющие высоты» — роман не о людях, а о людских объединениях. Зиновьев назвал свой роман «социологическим», подчеркнув его научно-исследовательскую направленность. Подобного явления в художественной литературе ещё не было. А то, что это была именно художественная литература, ни у кого сомнений не возникало.

Читатели были взволнованы: форма романа не поддавалась никаким аналогиям и образцам. Поэтика не вписывалась ни в какие известные эстетические системы. Привычные художественные категории, принятые на вооружение литературной критикой, такие, как образ, герой, характер, сцена, фабула, сюжет, композиция и другие, не работали в системе зиновьевских координат. Читателю предлагалось полностью перенастроить весь свой аппарат восприятия художественного текста: практически отключить воображение, отказаться от эмоционального сопереживания героям, перестать следить за развитием действия. Вместо этого нужно было обучиться приёмам и техникам интеллектуальной обработки фактов, пройти через школу метода восхождения от абстрактного к конкретному, актуализировать свой социально-бытовой опыт. Требовалось отказаться от иллюзий и признать мир таким, каков он есть.

И читатели вызов приняли. Роман стал мировым бестселлером. В течение нескольких лет он был переведён на все основные литературные языки, издан в Италии, Франции, Голландии, Англии, Швейцарии (на немецком языке), Норвегии, США и др. Сотни отзывов наполнили страницы западноевропейских газет и журналов, о романе говорили и спорили на радио и телевидении, в университетских аудиториях и на встречах с автором (а их были десятки). Не было ни одного влиятельного издания в Старом и Новом Свете, которое бы не откликнулось на его появление.

Зато советская критика хранила гробовое молчание. И вполне естественно: ведь специальными органами роман сразу был квалифицирован как «антисоветский», ввоз его на территорию страны, чтение и распространение преследовались уголовным наказанием. Сам Зиновьев был исключён из партии, уволен с работы, лишён учёных степени, званий (кандидат наук, доктор наук,

профессор), наград (даже боевых, полученных на фронтах Великой Отечественной войны) и в итоге — выслан за границу и лишён гражданства СССР. По всей совокупности обстоятельств критическое осмысление романа на страницах литературных изданий было невозможно. Тем более, что, по факту, и романа-то не было. А на нет и суда нет.

В СССР единственная обстоятельная рецензия на «Зияющие высоты» была написана известной правозащитницей, журналисткой Раисой Лерт. Она датирована 23 января 1977 года. Первое время она ходила в машинописи в самиздате. Спустя год статья появилась на страницах дайджеста «Радио Свобода» «Материалы самиздата» (1978, № 5), а три месяца спустя в журнале «Третья волна» (№ 3–4), который выпускал А. Глезер.

Статья Р. Лерт называется «Подступы к “Зияющим высотам”. Опыт ненаучного анализа» и представляет собой блистательный образец литературной эссеистики. Р. Лерт потрясена, ошеломлена, взволнована чтением «Зияющих высот». «Логический вывод из прочитанного — самоубийство», — восклицает она в начале своей статьи [Лерт, 1978: с. 129]. Мир, описанный Зиновьевым, слишком отвратителен и слишком узнаваем: «Читать эту книгу безмерно тяжело. Дышать нечем. Дух перехватывает от квинтэссенции подлости, зла, лжи, устрашающей безнравственности и тупости» [Лерт, 1978: с. 133].

Р. Лерт соглашается с автором аннотации на обложке книги, что она продолжает традицию великих сатириков — от Свифта до Салтыкова-Щедрина. В то же время, она настаивает на том, что это совершенно уникальная книга, не имеющая аналогов: «<...> литературных предшественников у него, по существу, и нет. Как по *переполняющему* книгу содержанию, так и по форме произведение Александра Зиновьева абсолютно уникально» [Лерт 1978: с. 136]. Ироническая, сатирическая составляющая лишь часть более сложного литературного явления: «Это одновременно и логика, и социология — и пародия на них. Это одновременно и фотография, и сатира, и дневник, и мемуары, и фантазмагория. И псалом, и анекдот. И философствование — и насмешка над философией. И лирический плач сквозь зубы, и нарочито разнузданная, похабная “сортирность”. И все это втекает друг в друга и вытекает одно из другого» [Лерт, 1978: с. 138].

Свободную, на первый взгляд, хаотичную структуру книги, её фрагментарность и многоголосие Р. Лерт сравнивает с драматичным опытом сборов в ожидании обыска: «Конечно, торопятся. Конечно, в чемодан швыряют материалы, не очень заботясь о последовательности — потом разберёмся. Но отбирают то, что считают нужным» [Лерт, 1978: с. 137].

Р. Лерт пытается найти формулу художественного метода Зиновьева и вполне успешно с этой задачей справляется, в нескольких предложениях определяя специфику его письма: «Автор точно (или почти точно) фиксирует некие факты, одновременно резкими и грубыми штрихами рисуя очень похожую карикатуру. Потом он наводит на изображение безжалостный и яркий свет мысли и показывает, как фантастично выглядит реальность в этом безжалостном и слепящем свете. Он точно (или почти точно) показывает взаимоотношения групп и личностей в рисуемом им обществе и очерчивает линию возможного развития этих взаимоотношений. Всё обнажено и высвечено под прожектором интеллекта»

[Лерт, 1978: с. 137–138]. Конечно, этим изошрённая литературная техника Зиновьева не исчерпывается, но общая схема определена точно. По крайней мере она позволяет понять механизм интеллектуальной обработки реальности, к которой прибегает писатель. Следующий полноценный отзыв о «Зияющих высотах» появится в России только через пятнадцать лет! [Кантор, 1991]

Совсем по-другому обстояло дело в изданиях русского зарубежья. Здесь новый критик советского строя был принят сразу. Спустя несколько дней после выхода тиража, Владимир Максимов в передаче на «Радио Свобода» сказал: «Александр Зиновьев — запомните это имя». А ещё через некоторое время стали появляться рецензии. «Русская мысль» (Париж), «Континент» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Зарубежье» (Мюнхен) откликнулись серией содержательных статей, в которых попытались осмыслить роман Зиновьева как в аспекте его проблематики, так и в плане эстетических новаций.

Ключевым фактом для всех оказывается то, что Зиновьев профессиональный философ, логик, а не писатель. Возможно, если бы критики не знали профессиональной принадлежности автора, их суждения носили бы несколько иной характер. Докторская степень Зиновьева в известной мере облегчает им задачу, позволяет находить ответы и высказывать мнения, которые не столь очевидны при «анонимном» чтении текста.

Мнения критиков расходятся: одни видят в Зиновьеве продолжателя традиций сатирической литературы, подбирая аналоги и примеры антиутопий, другие говорят о создании им нового жанра, в котором синтезированы художественное слово и научное знание, третьи вовсе отказывают ему в праве быть литературным произведением.

«Новое платоновское Государство, гибрид Глупова и первой из тоталитарных утопий — Государства Солнца Кампанеллы, а точнее — все утопии и антиутопии в бешеном кружении вокруг Изма вообще, Социзма и его высшей стадии Псизма...» — пишет в небольшой редакционной заметке «Континент», спустя пару месяцев после выхода книги в свет [Б.и., 1976: с. 411].

Через некоторое время Герман Андреев на страницах того же «Континента» в статье «В стране строго алогичной закономерности» будет утверждать: «“Зияющие высоты” — произведение огромного значения для русской литературы. <...>. Книга Зиновьева — не антиутопия, вообще не утопия и вообще не анти. Это исследование действительности, а не фантастическое изображение выдуманного государства из деталей, пусть найденных в государствах реальных». [Андреев, 1977: с. 315]

Радикальный вердикт выносит Наталия Рубинштейн. Называя «Зияющие высоты» «самой своеобразной книге последнего времени, написанной на русском языке», Н. Рубинштейн утверждает: «Она есть несомненное произведение искусства. Хотя искусство в ней и не ночевало. Хотя автор не сделал ни малейшей попытки прикрыть свою писательскую неискушенность, а, напротив, выставил её среди прочего предметом изображения» [Рубинштейн, 1977: с. 146]. Парадокс зиновьевской книги в том, что «это чудовищное здание не имеет отношения к литературе, но имеет отношение к жизни, укрощённой литературой <...>. Перед

нами образчик нового направления в художественном творчестве — произведение ИСКУССТВА БЕЗ ИСКУССТВА» [Рубинштейн, 1977: с. 148].

Играя, вслед за Зиновьевым, в парадоксы, Пётр Вайль и Александр Генис уточняют тезис Н. Рубинштейн: «То, что он неписатель — воспринимается сразу. То, что писатель — погода. Но именно безусловная принадлежность “Зияющих высот” к художественной литературе позволяет оценить книгу Зиновьева как революционный шаг в современной русской литературе» [Вайль, Генис, 1978: с. 150].

Тем не менее, каждый критик пытается определить жанровую природу произведения Зиновьева. Выявляя «первоэлементы», которые входят в состав романа, перечисляя опознаваемые жанровые единицы, демонстрируя свои глубокие знания в области теоретической поэтики, критики приходят к неизбежному решению найти для романа Зиновьева новое название, пусть и составленное из разных, уже использованных ранее терминов.

Так, Г. Андреев признаётся: «Дать жанровое определение книги, выходящей за рамки поточной литературной продукции, вообще трудно: чем талантливее книга, тем менее податлива она литературным дефинициям» [Андреев, 1977: с. 319]. Он называет «Зияющие высоты» «энциклопедией ибанской жизни», подчёркивая исчерпывающую полноту картины, нарисованной Зиновьевым, её тотальность и научную основательность, опирающуюся на законы, выявленные автором в ходе изучения предмета своего внимания.

«Зиновьев не романист, он новый летописец, Нестор нашего времени», — считает Н. Рубинштейн [Рубинштейн, 1977: с. 150]. Он последовательно фиксирует все события социальной жизни ибанцев, беспристрастно заносит на скрижали истории непрерывную череду их свершений и подвигов, какими бы уродливыми и смешными он ни были. Абсурд и гротеск в данном случае не литературные приёмы, а реальность, в которой живут ибанцы и которую описывает Зиновьев, ибо он «хронограф», создатель собственного «документально-сатирического эпоса» [Рубинштейн, 1977: с. 152].

Близок к этой оценке и Пьетро Модесто, автор рецензии в мюнхенском журнале «Зарубежье»: «Мне думается, что она на долгое время останется важнейшим памятником внутрисоветских исканий и внутрисоветского сопротивления» [Модесто, 1977: с. 32].

П. Вайль и А. Генис подошли к проблеме «Зияющих высот» с академической основательностью. В многослойной, многосоставной книге Зиновьева они увидели возрождение меннипейной традиции. В своей статье «Вселенная без мозжечка. Зиновьев и меннипея» они, опираясь на труды М. Бахтина, дают обстоятельное описание жанра меннипеи и находят у Зиновьева схожие типологические черты. Надо признать, чуть не подвело критиков: Зиновьев был знаком с книгами М. Бахтина, которые можно было купить в книжном киоске Института философии и которые одно время были предметом страстных переживаний всех московских интеллектуалов. Впрочем, вряд ли сам Зиновьев, сочиняя «Зияющие высоты», оглядывался на М. Бахтина.

Через проблему жанрового своеобразия критики выходят, каждый своим путём, к вопросу о предмете научно-художественной рефлексии Зиновьева. Здесь

они оказываются близки, определяя Ибанск, под именем которого в романе выведен советский социально-политический строй, как историческую *реальность*, а не гротескную фантазмагорию или пародию. Это не искажённое специальными художественными приёмами описание действительности, но её точное воспроизведение адекватными ей средствами.

Так, описывая жанровую многосоставность «Зияющих высот», П. Модесто указывает на взаимосвязь такой организации текста с авторской задачей: «Зиновьев применяет кроме формы диалога, всевозможные другие литературные приёмы <...> Один жанр переходит без затруднений в другой и весь этот огромный конгломерат приёмов служит для того, чтобы описать и зафиксировать самую невероятную и бессмысленную реальность — Советский Союз в недавнем прошлом, в настоящем и будущем» [Модесто, 1977: с. 32].

«А. Зиновьев рассмотрел функциональное устройство Ибанска энциклопедически разносторонне, — пишет Г. Андреев, — в книге, которая любому жителю иного мира (просто мира — в сопоставлении с “антимиром” Ибанска) может показаться переполненной гротесковыми картинками. Однако ибанец видит в книге блестящий юмор, но отнюдь не сатиру, ибо сатира предполагает искажение и преувеличение, а перед нами произведение реалистическое до натурализма. Если реализм, по ибанским литературным теориям, изображает жизнь в форме самой жизни, то у Зиновьева — антижизнь в форме антижизни, что то же самое» [Андреев, 1977: с. 314–315].

Ещё конкретнее в своих выводах П. Вайль и А. Генис: «Для него (Зиновьева. — П.Ф.) важно то, что коммунизм такая же законная социально-экономическая формация, как феодализм или рабовладельческое общество. <...> “Зияющие высоты” есть синкретическое, художественно-научное исследование. Это — художественная модель действия социальных законов в их чистоте и научный анализ этой модели» [Вайль, Генис, 1978: с. 150]. «Главная мысль книги: коммунизм — естественная форма социальной организации человечества. В конечном счёте, человеческим особям свойственно жить при коммунизме» [Вайль, Генис, 1978: с. 157].

Так как имя Рабле возникало на устах практически у всех читателей «Зияющих высот», Н. Рубинштейн в своей статье специально останавливается на этой параллели. Она не оспаривает её, но предлагает взглянуть на этот сюжет глубже: «Зиновьев состоит с Рабле в отношениях диалога: он его собеседник, а во многих случаях — оппонент. Как Рабле, он рискует жизнью и свободой, обличая изолгавшееся слово» [Рубинштейн, 1977: с. 152]. Зиновьев, действительно, вскрывает ложь ибанской жизни, развенчивая фиктивность её словесной декорации через языковое и событийное снижение образов. «Как в раблезианском эпосе, в ибанском хронографе сняты любые табу, запрещающие к употреблению ту или иную тематику или лексику. Тема пьянства, фекальная тематика, матерщина без стыдливых многоточий, скабрёзный анекдот и скабрёзное поведение героев не входило со времен Рабле так широко в литературный текст». [Рубинштейн, 1977: с. 152–153].

Но в отличие от Рабле, у которого критика действительности основывалась на гуманистических идеалах, у Зиновьева, видит Н. Рубинштейн, нет иллюзий

относительно каких-либо позитивных альтернатив ибанской жизни. «Для низкого и низменного мира, о котором пишет Зиновьев, он не знает никакой антитезы, никакого верха, и в этом плане книга его одна из самых безнадежных: “Всегда так было. Но были Надежды и Иллюзии. Сейчас и это испарилось. Осталась серость в чистом виде”» [Рубинштейн, 1977: с. 157]. Книга Зиновьева глубоко пессимистична, и смех, который она вызывает, не приносит читателю облегчения, оставляя наедине с безжалостной правдой.

Этот аспект зиновьевского мировоззрения чрезвычайно волновал его первых критиков, в связи с чем отдельное внимание вызывал вопрос о его отношении к Богу и христианству. Зиновьев не скрывал своего атеизма, однако не был и воинствующим безбожником-богохульником. Напротив, он придумал для себя социальный статус «верующего безбожника». Как замечает Г. Андреев, «точнее было бы сказать, что атеизм представляется Зиновьеву худшим из двух зол: веры в Бога и неверия в Него» [Андреев, 1977: с. 330]. Вчитываясь в текст «Зияющих высот», критик приходит к выводу: «Если А. Зиновьев и не знает Бога Сущего, он знает религию как воплощенную нравственность. Если этот человек строго логического мышления и верит в Бога, то не в церковного (для этого логики недостаточно — нужно Откровение), а в близкого толстовскому Богу» [Андреев, 1977: с. 331].

С бóльшим оптимизмом смотрит на проблему П. Модесто, который считал, что Зиновьев, обладая внутренней верой, в силу обстоятельств жизни и характера скрывает её под иронической маской, дабы избежать профанации, но его тексты, особенно стихотворные молитвы, которые включены в текст романа, говорят о серьёзности его отношений с Богом. «Автор третирует с развешивающей иронией, вплоть до сарказма все предложения и все посюсторонние проекты спасения, но по отношению к Богу никогда не позволяет себе подобного подхода. Это значит, что Бог для него превышает рамки нашего обыденного мира. “Бог — всегда больше” — гласит известное богословское изречение, и автор строго соблюдает этот принцип. <...> Он устанавливает иерархию ценностей и во главе их — Всевидящего Отца, без Которого человеку жить нельзя» [Модесто, 1977: с. 34].

В целом, к первому роману Зиновьева русская эмигрантская критика отнеслась с большим интересом и симпатией, но дальше начался какой-то сбой в её отношениях с писателем. Ещё на роман «Светлое будущее» можно найти пару откликов, но все последующие произведения Зиновьева, а их более десятка и в каждом новом он выходил на новый уровень осмысления мира, эмигрантская пресса (за исключением «Континента», с главным редактором которого Владимиром Максимовым Зиновьев был в тёплых дружеских отношениях) фактически игнорировала: отзывы были единичны и незначительны. На фоне неугасающего интереса западной прессы, всегда встречавшей очередное сочинение Зиновьева широкой дискуссией, молчание соотечественников выглядит удручающее. Что было тому причиной — зависть к успеху или интеллектуальное бессилие — трудно сейчас сказать. Возможно, и то и другое вместе.

Литература

1. *Андреев Г.* В стране строго алогичной закономерности // *Континент*. Париж. 1977. № 13. С. 315–333.
2. *Б. и. Александр Зиновьев.* Зияющие высоты. Лозанна: Возраст человека, 1976 // *Континент*. Париж. 1977. № 10. С. 410–411.
3. *Вайль П., Генис А.* Вселенная без мозжечка. Зиновьев и меннипея // *Время и мы*. Тель-Авив. 1977. С. 147–148.
4. *Кантор К.* Сияющая высота словесности // *Октябрь*. 1991. № 1. С. 30–35.
5. *Лерт Р.* Подступы к «Зияющим высотам». Опыт ненаучного анализа // *Третья волна*. Альманах литературы и искусства. Монжерон. 1978. № 3–4. С. 129–145.
6. *Модесто П.* Александр Зиновьев. «Зияющие высоты» // *Зарубежье*. Мюнхен. № 53–54. С. 32–34.
7. *Рубинштейн Н.* Сказание о земле Ибанской // *Время и мы*. Тель-Авив. 1977. № 16. С. 143–161.